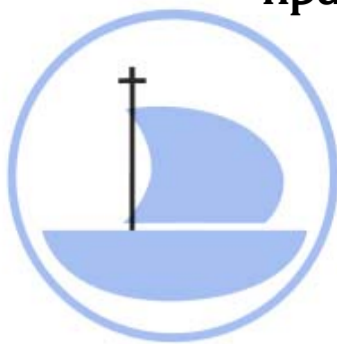

Наша вера

№ 10 (190)

26

декабря

2019

Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша (1 Ин. 5, 3-4).

По благословению митрополита Калужского и Боровского Климента

«Россию нельзя представить без Церкви»

28 декабря - память священномученика Илариона (Троицкого)

Крестный путь архимандрита Илариона

Епископское служение архиепископа Илариона (Троицкого) было крестным путём. Не прошло и двух лет со дня хиротонии, как он оказался в ссылке в Архангельске. В декабре 1923 года приговорён к трём годам заключения. Этапом доставлен в Кемский лагерь, а затем на Соловки. Когда архиепископ увидел весь ужас барачной обстановки и лагерную пищу, то сказал: «Отсюда живыми мы не выйдем».

О чудовищной обстановке в лагере владыка писал: «Надо побить в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь. Это, воочию, сам сатана». Тем не менее, находясь на Соловках, архиепископ Иларион сохранил в себе все те добрые качества души, которые он приобрёл посредством подвигов и до монашества, и в монашестве, и в священстве. Те, кто в это время находились вместе с ним, являлись свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости.

Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был всё-таки следить за его чемоданом. И такой послушник был у него и на Соловках. Архиепископа Илариона можно было оскорбить, но он на это никогда не отвечал и даже мог не заметить сделанной попытки. Он всегда был весел, и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро старался прикрыть это всё той же весёлостью. Он на всё смотрел духовными глазами, и всё служило ему на пользу духа.

Удивительным было отношение владыки к окружающим. Казалось, что внешнее состояние другого человека вообще не важно для него. В той уважительности, с которой он относился даже и к представителям «дна», не было ничего показного: святитель умел распознавать образ Божий в любом человеке. Люди отвечали ему за любовь искренним уважением и любовью.

Совершенно невольно святитель так поставил себя, что на Соловках стали создаваться о нём легенды. О них мы знаем благодаря очеркам Бориса Ширяева, также бывшего соловецким узником. Очерки эти составили книгу «Неугасимая лампада», в которой святителю Илариону отведено немало страниц. Приведём некоторые выдержки об архимандрите Иларионе: «Огромная внутренняя сила его проявилась с первых же дней по прибытии на каторгу. Он не был старейшим из заточённых иерархов, но разом получил в их среде признание высокого, если не первенствующего авторитета.

Силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять

Продолжение на стр. 8.

Памятник российским морякам, погибшим в Сиаме

БАНГКОК. В столице Таиланда Бангкоке состоялась церемония открытия памятника морякам крейсера 1-го ранга Балтийского флота «Аврора», погибшим во время Сиа́мского похода в 1911 году. Церемонию возглавил Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Королевстве Таиланд Е.Ю. Томихин.

В ходе ревизии российских воинских захоронений, расположенных на территории других государств, была изучена информация о захоронении в 1911 году на территории Королевства Сиам (ныне – Королевство Таиланд) двух моряков крейсера 1-го ранга Балтийского флота «Аврора» Якова Тимина и Федора Туныкина.

22 сентября 1911 года крейсер вышел из Кронштадта в Королевство Сиам для участия в торжествах по случаю коронации короля Сиам Рамы VI в столице государства Бангкок. В Неаполе крейсер принял на борт великого князя Бориса Владимировича со свитой и прислугой. С 16 по 29 ноября «Аврора» находилась в Бангкоке. Полтора десятка матросов, находившихся на берегу крейсера, получили острое пищевое отравление. Двое из них умерли и были погребены на Протестантском кладбище Бангкока с отданием воинских почестей как погибшим при исполнении служебного долга.

Патриарх: «Нет «чина отпевания некрещённых младенцев»

МОСКВА. Н Епархиальном собрании города Москвы Патриарх Кирилл ответил на вопрос: «Недавно был благословлен и введён в практику чин отпевания некрещённых младенцев. В связи с этим возникают разногласия относительно поминовения таких за другими богослужениями. Действительно ли одобренный чин даёт нам право поминовения младенцев, умерших без Святого Крещения, за Литургией, на панихидах и заупокойных литиях?»

«В самом этом вопросе содержится ошибка. Никакого «чина отпевания некрещённых младенцев» не существует. В прошлом году Священным Синодом было благословлено к употреблению «Последование об усопших младенцах, не приемших благодати святого Крещения». Это последование содержит в основном молитвы об утешении скорбящих родственников умершего младенца, а также две фразы, в которых мы просим о благой участи для младенца.

В чём может быть благодать этой участи? Мы не знаем. Учение Церкви не даёт ответа на вопрос о том, что уготовано справедливым и милосердным Богом для младенцев, умерших без крещения. Если же прямо ответить на заданный вопрос, то: нет, одобренный чин не открывает возможность поминовения младенцев, умерших без Святого Крещения, за Божественной литургией, на панихидах и заупокойных литиях».

БЕСЕДЫ О ПРАВОСЛАВИИ

КТО СВОИ БОГУ?

Митрополит Калужский и Боровский Климент
Источник: Вечерняя Москва

Святой Исаак Сирин говорил о том, что если бы Бог руководствовался принципом справедливости, никто бы из людей не спасся. Все были бы в аду, потому что нет человека, прожившего хотя бы один день и не согрешившего. Мы же часто идём на поводу у чувства справедливости, требуя её по отношению к себе...

Ветхозаветный закон учил людей воспринимать другого человека как равнозначную себе личность. Для этого мера возмездия была ограничена эквивалентным уроном: «Кто сделал повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: «око за око, зуб за зуб» (Лев. 24, 19-20). Если кто-то выбил человеку глаз, то он, в ответ, имел право лишить обидчика глаза, но не головы. То есть не причинять больше вреда, чем ему причинили. Таким образом, Ветхий Завет устанавливал в отношениях между людьми принцип примитивной справедливости.

Но ещё в те времена праведники проявляли к людям не столько справедливость, сколько милость. Например, патриарх Авраам. Как он убеждал Бога не уничтожить Содом (см. Быт. 18, 20-33)! «А если там найдется пятьдесят праведников? А если до пятидесяти не хватит пяти? А если сорок?» – вопрошал он, пока Господь не пресёк поток его просьб, сказав: «Ради десяти пощажу город», – и, перестав говорить, ушёл. Ибо Ему было ведомо, что у Авраама милующее сердце, и он не остановится, пока не дойдёт до одного. В Содоме же был один праведный человек – Лот, и Господь сохранил ему жизнь.

Несколько раньше в отношении того же Лота Авраам также поступил выше справедливости. Когда возникла

необходимость разделить с ним пастбища для скота, Авраам великодушно сказал ему: «Бери себе любую землю, а я возьму то, что останется» (см. Быт. 13, 7-9). С точки зрения человеческой правды, как глава рода, полноправно распоряжаясь его состоянием, Авраам не должен был уступать младшему лучшие угоды, ставить его интересы выше своих. В поступках этого патриарха мы видим проявление самоотверженной, неформальной заботы о родных и незнакомых людях, без оглядки на закон. Так, в лице своих лучших пред-

человеку: близкому, едва знакомому или совершенно чужому.

Такое отношение к людям Господь не только проповедовал, но исполнил на деле даже к Своим палачам. Терпя крестные страдания, Он молил Бога Отца о прощении распявших Его людей (см. Лк. 23, 34). Потому преподобный Исаак Сирин не только признает Бога несправедливым, но и призывает всех верующих полагаться «только на Его несправедливость, в которой милосердие, любовь и прощение». Если бы Господь по справедливости взыскивал с людей за каждое их несправедное действие, слово и помышление, то человечество давно прекратило бы своё существование.

алу в надежде на милость Божию. Тогда мы будем своими для Бога, и Он укрепит нас Своей благодатью в любой добродетели, даже такой недостижимой, как жертвенная любовь к окружающим нас людям.

От других же мы не можем требовать справедливости в свой адрес. Надо понимать, что с каждым из нас может случиться любая неприятность по произволу злых людей. Человек верующий воздержится от мщения, если эта несправедливость будет касаться только его. Ведь христианин призван поступить по образу Христа, Который не вступился за Себя, хотя и мог это сделать. Преподобный Серафим Саровский не оказал сопротивления нападкам на

ставителей, Ветхий Завет поднимается до христианской любви, которая лежит в основе всех без исключения законов Божиих, но в Моисеевом законодательстве она ещё не столь явна.

Новозаветное понимание праведности открыто поднимается над человеческой справедливостью. Воплотившийся Бог Слово говорит, что надо прощать обидчиков, не держать на них зла. На свой вопрос о том, сколько раз можно прощать человека, апостол Пётр слышит странный ответ: «До седмижды семидесяти раз» (Мф. 18, 22) – то есть всегда.

Вместо ветхозаветного равноценного воздаяния Христос утверждает новый принцип преодоления обид и несправедливости в этом мире (см. Мф. 5, 38-45). Если злу противостоять адекватными ему методами, это приводит к увеличению страданий. Злоба может быть побеждена только её противоположностью – благодатью, в которой нет юридической справедливости, но действует любовь и сострадание к любому

Когда Христос говорит, что даже за каждое праздное слово человек даст ответ на Страшном Суде (см. Мф. 12, 36), Он разрушает надежду ветхозаветных людей на собственные дела, убеждает не полагаться на собственную праведность. Даже если человек был ко всем справедлив и сделал много добра за свою жизнь, всё равно найдётся то, за что с него можно спросить: хотя бы одно неосмотрительное, сказанное сгоряча или в шутку, ранящее слово.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в одном из писем цитирует Псалтирь: «Господь крепость людям Своим даст. Господь благословит людей Своих миром» (Пс. 28, 11), – и спрашивает: кто «свои» Богу? Кому Господь даст «крепость Свою»? По объяснению святителя, это те, кто хранят верность Христу в своих стремлениях, даже если порой нарушают её на деле. Вот почему так важно постоянно иметь внутреннее желание быть верным Богу. Даже когда мы не в силах поступить правильно, непременно надо стремиться к евангельскому иде-

него разбойникам, потому что это касалось только его. Более того, он полностью простил тех злодеев, которые едва не лишили его жизни.

Нельзя желать даже Божьего отмщения своим обидчикам. «Я человек верующий, поэтому мстить не буду, – полагает иной раз христианин, – но Ты, Господи, накажи как следует тех, кто так несправедливо обидел меня!» Это лукавые мысли. Не так думали и поступали святые и праведники с прошлых веков до наших дней. К примеру, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в молодые годы претерпел тюремное заключение, и всю последующую жизнь молился за следователя, который на допросах переломал ему пальцы.

В сердце человека, действительно живущего во Христе, нет места человеческой справедливости. Она растворяется в сострадании, желании любому человеку блага, спасения и постепенно претворяется в божественную правду, которая есть самозабвенная любовь и милосердие до самопожертвования.

Педадь удовольствия

Митрополит Калужский и Боровский Климент
Источник: Вечерняя Москва

В советское время церковная жизнь была закрытой. В Церкви не могло быть социальных работников, волонтеров, сестёр милосердия и ещё многого, что стало привычным в наши дни. Сегодня Церковь активна во всех сферах жизни, где востребовано духовное окормление и религиозное воспитание. В то же время нельзя не отметить, что в верующих нет былого прилежания в молитве, таинствах, посещении храмов и монастырей.

Охлаждение в духовном подвиге, хотя бы по сравнению с 80-ми годами прошлого века, характерно для мирян и монашествующих, пастырей и их паствы. Если это общее явление, значит, у него должны быть объективные причины. Так, во многом оно обусловлено внешними факторами жизни: современные люди живут иначе.

Священномученик Киприан Карфагенский ещё в III веке благодарил Господа за начавшиеся гонения, поскольку в них Церковь отворачивается от мирских забот, обращается к Богу и начинает, прежде всего, заботиться о стоянии христиан в Истине, об их духовной жизни. Когда ощущается пресс гонений, когда за веру человека может в любой момент постичь то или иное наказание, он начинает проводить жизнь в духовных упражнениях, больше заботиться о вечном, нежели о временном. Всё житейское, вещественное утрачивает ценность в его глазах, он боится потерять Бога, а не земные блага. Ведь не сегодня-завтра его могут вырвать из привычной обстановки и отправить в тюрьму, в ссылку, в психиатрическую больницу, а то и расстрелять. Говоря о гонениях в начале XX века, у большевиков был один язык – револьвер.

Когда же нет стеснённых обстоятельств, человек внутренне расслабляется. На протяжении всей истории человечества сохраняется эта тенденция. Как только материальная жизнь благоустроивается, мы увлекаемся заботой о земном, хотим того, что у нас было вчера, сегодня нам ему уже мало. В погоне за материальными благами человек оставляет молитву, подвиг, устремление к Богу, ищет послаблений даже в том, что раньше выполнял спокойно.

Можно вспомнить историю еврейского народа в Египте: пока там жилось сытно и вольготно, евреи не обращались к Богу. Когда же египетские власти начали их притеснять, люди вспомнили о Господе и горячо воззвали к Нему. Также и в нашей стране в советское время вплоть до начала 90-х годов, когда политические преследования за веру уже прекратились, но материальное положение людей и уровень комфорта ещё оставались неудовлетворительными, человек активно стремился к самореализации вне житейской сферы, к жизни по духу Евангелия. Прошло время, про гонения забыли, материальное состояние у большей части населения стало стабильным, и уже наш совре-

менный прежде всего стремится иметь постоянное улучшение качества жизни.

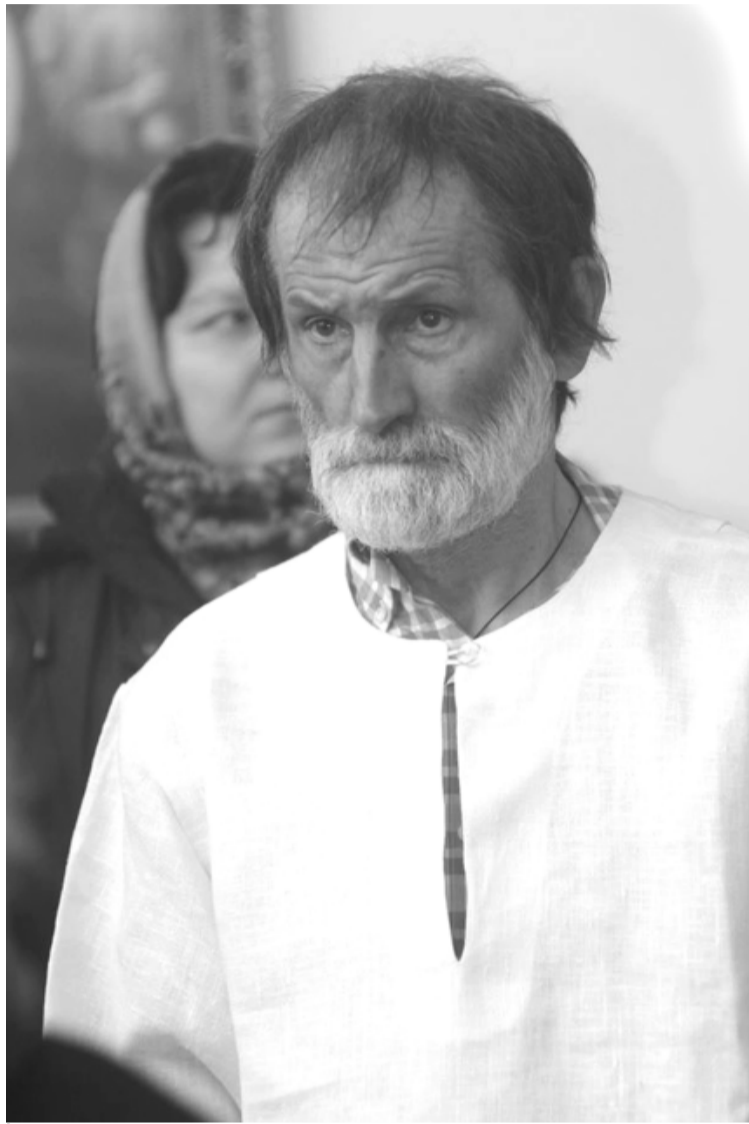
Многие скажут, что это нормально. Но: это нормально для падшего состояния человека, когда он отделился от Бога и пытается без Него устроить своё благополучие. Сейчас, когда доступна масса земных удовольствий, в человеке весьма сложно пробудить интерес к духовному утешению.

Возможно, помогут только экстраординарные обстоятельства, через которые Господь выводит человека из безразличного, самодостаточно-го состояния. Приведу пример. Один миллионер заказал для своих сотрудников экскурсию по древнему русскому городу и положил экскурсоводу, человеку далеко не богатому, очень заманчивую оплату. Но было поставлено одно условие: никаких упоминаний о церквях, о православии, о священниках, оставивших след в истории города, только светская история в занимательных рассказах.

Экскурсовод неожиданно для себя оказался в ситуации альтернативного выбора: раз покривить душой и согласиться на эти условия, чтобы получить обещанную плату, или отказаться от проведения подобной экскурсии, понимая, что на его место тут же найдутся другие желающие. Как поступить: быть верным Истине или получить блага? Некогда дьявол и Христа призывал поклониться ему всего один раз и за то обещал «все царства мира и славу их» (Мф. 4, 8).

Подобные выборы встают перед каждым из нас постоянно. Все люди от рождения наследуют поврежденную грехом природу праотца Адама, который предпочел наслаждение вещественным миром сохранению единства с Богом. С тех пор искать земного комфорта свойственно человеку. Но в Крещении мы принимаем очищенную от греха природу Богочеловека Христа и свободу следовать Его заповедям, то есть искать «прежде Царства Божия и правды Его».

Пока длится наша жизнь, выбор между Небесным Царством и земным комфортом вновь и вновь будет возникать на нашем пути. Нас всегда будет преследовать соблазн принять решение, за которым следует очередная порция земных радостей. Нажимать ли на «педадь удовольствия» или устоять и не совершать поступки, которые противоречат совести и вере, удаляют нас от Христа – каждый из нас решает сам. И каждый сам отвечает за своё решение перед Богом.

«Одно дело – пост для монаха, другое – для человека, выполняющего тяжелую физическую работу»

Вопрос о соблюдении постов был поднят на Епархиальном собрании города Москвы.

20 декабря 2019 года, в завершение доклада на Епархиальном собрании города Москвы, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл прокомментировал реплику, поступившую в адрес Его Святейшества среди материалов, собранных к заседанию Епархиальным советом и викариатами: «На сегодняшний день мы не имеем общепринятых указаний о степени поста для людей, живущих в миру. А те указания, которые предписаны в наших богослужебных книгах, являются частью монастырского уклада жизни».

«Формально действующий на сегодняшний день устав постов содержится в Типиконе, соответствующие главы которого восходят к ближневосточной монастырской практике, включающей не только воздержание от скоромных продуктов, но и многие дни так называемого сухоядения и даже некоторые дни полного воздержания от пищи», – сказал Святейший Патриарх Кирилл. – Очевидно, что современный человек, особенно если он не приучен к посту, не способен соблюдать пост в полной мере согласно упомянутым предписаниям.

Ситуация усугубляется тем, что популярные газеты и светские сайты, желающие как-то осветить тему поста, размещают перед Великим постом «постные календари» именно в соответствии с упомянутой ближневосточной практикой. В итоге обыватель смотрит на постные предписания как на некую невыполнимую экзотику».

«Кроме того, пастырь, размышляющий по этому поводу, не может игнорировать тот факт, что существенно более высокая стоимость рыбных изделий (а уж тем более иных морских продуктов) заставляет даже церковные многодетные семьи приобретать более дешевые скоромные продукты, к примеру, в период малых постов», – констатировал Святейший Владыка. – Значит ли это, что можно взять и отменить постные предписания? Нет, конечно.

Однако одно дело – пост для монаха, другое дело – для человека, выполняющего тяжелую физическую работу. Должна быть вдумчивая пастырская работа с нашими прихожанами, индивидуальный подход, чтобы каждый из них участвовал в посте, особенно в Великом посте, – участвовал по мере своих сил, но участвовал непременно».

Патриарх Кирилл о семейном насилии

МОСКВА. Патриарх Кирилл прокомментировал дискуссию, которая ведётся в стране в связи с рассмотрением законопроектов о профилактике семейно-бытового насилия.

«Кто-то выступает в поддержку законопроектов в той форме, в которой они опубликованы, кто-то требует внести в них изменения», – сказал, в частности, Святейший Владыка. – Я внимательно ознакомился с аргументами и тех, и других, и вот какая мысль меня посетила. Если бы люди хоть немного слушали, что говорит нам Бог, как Бог требует от нас строить семейную жизнь, – было бы в наших семьях насилия? Да никогда!»

«Никаким законом невозможно остановить преступника. У нас этих законов – тьма тьмущая, а преступники заполняют тюрьмы, хотя едва ли не каждый из них знает закон лучше, чем любой добропорядочный гражданин. Закон не удерживает человека от совершения преступлений, это доказано. А что удерживает? Человека может остановить совесть, любовь к жене, детям. Но эти факторы определяются не законодательством, о котором люди мало что знают, а нравственным состоянием».

«Именно поэтому на передовой линии борьбы за человека, за предупреждение всякой агрессии, должна быть Церковь. Вот на что должна быть направлена подлинная профилактика семейного насилия. Поэтому я обращаюсь в первую очередь к священникам, к тем, кто имеет доступ к семьям, кто принимает исповедь: работайте с семьями, с мужем, женой, детьми! Не стесняйтесь приходить в семьи, где, сохрани Бог, действительно есть проявления насилия или царят глубокие неурядицы. Ваше присутствие может радикально изменить отношения между мужем и женой, детьми и родителями, ведь мы еще не исчерпали до конца тот великий потенциал, который Бог нам дает действием Своей благодати», – убежден Святейший Владыка.

Полный архив газеты «Татьянин день» опубликован в интернете

МОСКВА. Архив студенческой православной газеты МГУ, выходящей в 1995-2005 годах, опубликован в интернете. Все номера от первой до последней страницы доступны в виде PDF-файлов, а наиболее важные статьи каждого номера – и в текстовой версии.

«Мы завершили труд, начатый 23 года назад, когда появилась первая электронная версия газеты, – отметил главный редактор интернет-журнала «Татьянин день» Даниил Сидоров. – Теперь «ТД» можно читать не только в крупнейших библиотеках, но и в сети, с первого номера до последнего (иногда даже с пометками увлеченных читателей). Мы благодарны всем, кто работал над оцифровкой архива».

Архив доступен по адресу: <http://archive.taday.ru/archive>.

Путь за пределы самой себя или

Немного об авторе статьи, Людмиле Киселёвой:

Директор «ДОМа – дети-сироты и инвалиды», инвалид с детства, почётный гражданин г. Боровска, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, лауреат Международной премии «Профессия – жизнь», член Союза художников России, член Союза журналистов России, член Союза Российских писателей, лауреат премии Н. Островского, кавалер медали «За особые заслуги перед Калужской областью III степени»

Вот и опять весна! День сегодня такой добрый: солнце льётся во всю ширь моего окна. И воздух такой дурманый, какой только весной и бывает. Но всё реже во мне появляется смутное беспокойство птицы, которой пора отправляться в полёт, чтобы исполнить дело, предназначенное ей природой и жизнью, как бывало со мной прежде, в юности.

...Моё Небо – мой потолок. Где-то там ветра и туманы, движение, многоцветность мира, и мир этот – мимо меня. Когда ты родился больным и это уже навсегда, то кажется, что так и должно быть, и все привыкают, и сама привыкаешь. Вот только тревожный весенний зов наполняет душу смутой и тоской по чему-то неведомому, да ещё когда вечерний летний ветер приносит с другого края города звуки духового оркестра с танцплощадки горсада...

Но и это с возрастом проходит. Всё, к счастью и к сожалению, проходит. Вот эта мысль о каждом уходящем мгновении тревожит меня теперь. И мне кажется, что ещё чуть-чуть напряжения – и я пойму самую главную тайну человечества: для чего мы живём? Во что обращаются наши находки и потери?

В юности я думала: люди созданы природой для продолжения самих себя и бессознательно всегда идут к этому. Во мне тоскует природа, что я не могу восполнить её. Но ведь природа не терпит пустоты. Там, где подводит тело, должен с ещё большей остротой

жить дух. И, значит, моя жизнь тоже имеет своё предназначение? Вот только бы понять – в чём? Для чего? И как обретаётся дух?

Мой городок, в котором я родилась, остался за пределами моего бытия. Я видела его лишь в редкие часы своих поездок на машине, и мне кажется, живи я в другом городе, я была бы такой же, как сейчас. Зримый его образ сложился в моей памяти как нечто патриархальное. Его улочки, дома, где всё на горе или под горой, навевают настроение покоя, уюта, тишины, и постоянный гул автомобилей за моим окном не разрушает этого представления.

Тишина и покой побуждают к работе мысли, настраивают высоко, философски, но они же способствуют лености и вялому образу жизни. Всё двояко в этом мире. Но человеку дано выбирать. И я склонна думать, что не бешеные темпы, ритмы, смена впечатлений определяют напряжённость жизни человека. И что на ленивую душу даже Москва будет навеять деревенский сон. А значит, обстоятельства не определяют судьбу, они только испытывают?

И человеку дано выбирать, чтобы узнать предел своих возможностей?

Однако, возможно ли это – подняться выше потолка?

И где он, тот потолок, – над головой или в душе?

В Москве живёт моя подруга. Окончила Строгановское училище. Человек, профессия которого – украшать. Всегда унылым голосом расска-

зывает мне о своей работе, о столичной суете, давки в метро и автобусах, как ни в чём проходит её дни, как быстро течёт время... Стоп! Вот на этой мысли мы с ней встречаемся. А потом опять расходимся. Она считает, что раз уж не повезло и мы не отмечены божьей метой, и нас не мучает талант с пяти лет, как Чайковского, например, то и нечего из себя давить – масло из кирпичика не выдавишь, такое только в сказке бывает.

Хорошо, что мы не встретились в моём прошлом, когда я впервые взяла в руки карандаш и попробовала рисовать – рисовать плохо, беспомощно и, казалось, безнадежно. Теперь мои друзья прошлых лет признаются, что свысока поглядывали на мои первые рисунки и поражались, зачем я занимаюсь не своим делом. Нет, во мне не было потребности рисовать, но была неистребимая жажда самоутверждения, желание что-то делать, действовать – найти своё ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

И да здравствует вечный зов юности, который гонит нас за горизонты земли и самого себя, чтобы познать, понять, осуществиться! И благодатен тот, кто услышит его в себе – в этом смысле я человек счастливый.

И потому уж в который раз брала я безгласный, бездыханный в своей белизне лист бумаги и копировала то, что попадало в поле зрения, веруя, что вот это и есть искусство, что вот если однажды получится у меня каждая прожилка на листке цветка, каждая веснушка на лице соседки – вот это и есть предел мастерства. Цветок получался «как живой», и все ахали, как похожа соседка на моём рисунке, только дыхания в них не было. Нет, не с умения воспроизводить натуру начинается художник. «Зорко одно лишь сердце – самого главного глазами не увидишь», – говорил мудрый писатель Сент-Экзюпери. Сколько времени прошло, прежде чем я увидела мир в линиях, очерчивающих формы! Эта линия плавная и нежная, если она – девушка, мать, ребёнок, тревожная и напряжённая, если она – плач, горе, боль, изломанная, кричащая, если она – война...

Апока...

И отчаяние, и страдание, и слава, и власть – всё приходит к человеку для испытания. Ты скажешь: «Тебе хорошо, ты

сильная от корней, потому тебе хочется преодолевать свои барьеры, оттого твои рисунки жизнеутрачены. Но если человек по натуре рохла, пессимист, в общем, не борец?..»

А знаешь, из детства я вынесла одно самое острое ощущение – ощущение своей беспомощности, незащитности. Наверное, потому, что среди детей чувствовала себя «белой вороной», не было непосредственности детства, жизни взахлёб. Легко могла заплакать, но не умела легко рассмеяться. Стоило остаться одной, огромный страх расплылся по всем уголкам моего маленького существа. Так и сидела, боясь пошевелиться, пока кто-то не придёт, чтобы нарушить жуть моего одиночества. Мир казался непонятным и потому грозным, извергающим отовсюду опасность, беду. Вокруг бегало, прыгало, хохотало босогое детство. Как птицы на ветке, сидели мы на нашей дворовой лавочке, но вот заводила пошептал что-то в одно ушко, в другое, и вся стайка – порх! – улетала неведомо куда.

...Одиночество заставляет страдать, но одиночество способствует размышлению и мудрости. Всё двояко в этом мире, и я выбираю НАПРЯЖЕНИЕ.

Не знаю, в какую минуту приходит осознание самого себя, конечно, к каждому в своё время, да и не

вдруг, не сразу, но понимаешь, каким тебе хочется быть.

Даже в самом малышном возрасте – я это видела – люди ценят силу, сначала физическую, взрослая, – силу ума, та-

ланта, старая, – силу понимания, добра...

Они любят тех, кто весел, они тянутся к тем, кто излучает бодрость, с кем надёжно, интересно, кто их поймёт. И чтобы вырваться из плена своего одиночества, мне надо стать такой. И люди придут ко мне. Через их судьбы, их ощущения, дела, мысли я проникнусь тем миром, который для меня за горизонтом. Всё будет... А пока – книги. Долгое время бывшие для меня развлечением, они однажды явили всю свою бесценность.

Книги – мировая душа человеческая со всеми её бедами, противоречиями, катастрофами, идеями, озарениями, в соприкосновении с которыми наполняется твоя душа опытом, мудростью понимания. Когда так много носишь в себе, то невозможно жить со своим «сундуком», никому ничего не отдавая. И когда есть что сказать друг другу, жажда общения неизбежна.

Меня любили и забывали, и приходили новые люди, и уходили порой навсегда, и опять приходили... Кто знает, сколько прошло их через мой дом: юных и зрелых, счастливых и несчастливых, довольных и неудовлетворённых? Кто подсчитает, сколько мы отдали друг другу мгновений радости и печали, открытий и надежд?

И я узнала счастье быть нужной – самое большое счастье в человеческой жизни. И я поняла, что если очень устанешь, то не сильно надо искать, чтобы прислониться, а слабого – отчаяние другого, ищущего в тебе поддержку, мобилизует твои силы. Но я убедилась, что если человеку всегда подставлять плечо, то он так и не научится сам стоять – участие не всегда несёт в себе добро.

И я узнала, что непримирима к людям безвольным, что готова простить неудачи человека, но лишь когда он ищет, напрягается, сопротивляется обстоятельствам, это его оправдывает, но нетерпима к живущим «по воле волн».

«Я такой, потому что меня так воспитали», – я слышала это всеоправдывающее кредо от других, но моя душа противилась ему, потому что я поняла: человеку дано выбирать. Я выбираю ЛЮБОВЬ. И любовь наградила меня, дав мне десять ушей, двадцать глаз, сто сердец, и потому так многолико раскрылся мир и все чувства – в меня. Я обрела способность ощущать его сердцем поэта из «Евгения Онегина», маленького доброго несчастного человека из чеховских

Дай сердца твоего коснуться сердцем

рассказов, метаться сердцами «Трёх сестёр», мечтать, как Ассоль, страдать от своей мудрости, как Маленький Принц, заплакать слезами своей подруги... И вдруг – утратить ощущение всех запахов, звуков, красок со смертью любимого человека.

...Два года я рисовала только цветы, чтобы в буйстве красок, линий, форм вновь обрести утраченное. И сколько раз в эти минуты мне казалось: «Вот и предел, зачем любить, если так горько от обид, потерь, разлук, которые приносит любовь, зачем мне сто сердец, если и в одном столько муки, зачем всё – если смерть...» Цветы получались яркими и печальными на трагическом чёрном фоне, но в них назрела душа.

Жить – это медленно рождаться. Благо человека, если муку своего рождения он сможет обратить в радость. А любовь снова возрождается из пепла и зовёт, тревожит. В каждом прикосновении к жизни меня хоть чуть-чуть, но ударяет её током. И тогда в невыразимой глухоте мира слышится сердцебиение людское. И потому, что бы там ни было, я подписываюсь под словами Экзюпери: «Самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения», – потому что только рядом с другими узнаешь цену себе и силу свою, только с другими рождается твоё «я», когда уже не только СВОИМ горем живёшь, а болью всех, кто страдал, когда не только СВОЙ день жизни заботит, а земной человеческий день. Незаметная точка на огромной географической карте – мой город. Невелики события его жизни.

Но если моё сердце причастно к миру, то сжимается оно, узнав о трагедиях на другой половине земного шара. И тогда маленький дом вырастает до необыкновенных размеров. И неважно, в огромном городе ты живёшь или в селе. Если сердце причастно... И никакая тяжесть условностей, притягивающих меня книзу, не может согнуть, потому что я больше не бесформенный комочек глины-плоти, а частица мира, без которой мир и не существует.

Это ощущение пришло ко мне неожиданно в нашем старинном бору, веками окружающем мой город. Где-то в поднебесье качают своими лохматыми головами сосны, и в этом шуме деревьев – голос вечности. Только птичий щебет напоминает о земном, проходящем. И я такая маленькая у подножия вековечности, такая слабая и обречённая. Но вот я на обрыве. Где-то далеко внизу солнце высвечивает сверкающие блики – ручей. И оттуда поднимаются ко мне могучие сосны. Но нет, отсюда, сверху, могучими они не видятся. Ветер раскачивает их стволы, кажется, что они из картона и вот-вот надломятся.

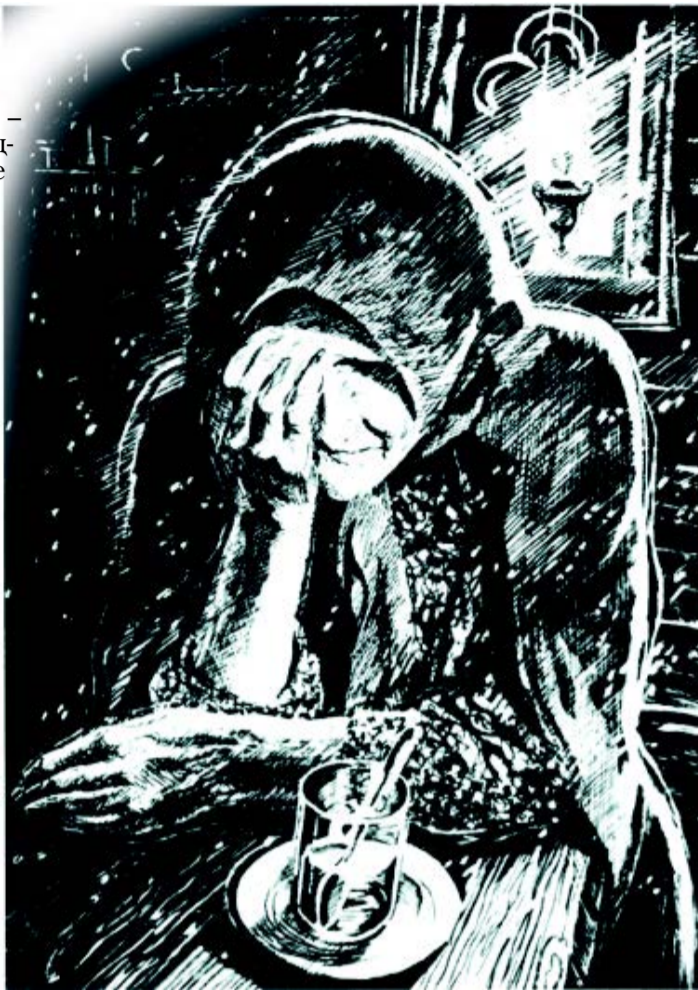
Всё двойко в этом мире. Важно ощущение себя в нём. Что знают эти деревья, живущие так долго? Одинокие несутся в космическом пространстве светила, беспельны бесконечные облака, проплывающие над нашими крышами. Только я, человек, знаю, как волнующи звуки музыки, как прекрасны эти деревья, цветы и звёзды, как весел птичий и ребячий гомон, как неповторим первый трепетный поцелуй. Да разве можно всё это, испытываемое за короткую человеческую жизнь, променять на долгое существование в немом безмолвии, в глухом одиночестве покоя! Мне здорово повезло, что я пришла в этот мир ЧЕЛОВЕКОМ. И это ощущение поднимает

вверх. Потому мои рисунки – взгляд сверху. Сверху не видно деталей, мелочей, в поле зрения попадает лишь главное, сущее: дети, цветы, сказка, весна, любовь, печаль, осень, одиночество, старость – всё вечное в своей повторяемости, возрождении и всё преходящее в жизни отдельного человека. Однажды внук спросил деда: «Что такое красота?» И тот ответил: «Когда ты услышишь, как в цветке стучит сердце, значит, к тебе пришла красота». Видно, так рождается в искусстве своя тема. Так она вызрела во мне: чудо каждого дня. Облака на небе – приглядишься – похожи то на прекрасное платье сказочной феи, летящей над землей, то на странного неведомого зверя. А струи дождя! Они словно струны, натянутые между небом и полем. Пролетит сквозь них стая ласточек, зацепит крыльями, и зазвенят, задрожат струны нежной песни. Если посмотреть себе под ноги, то можно увидеть ещё одно чудо: пушистое нежнейшее гнёздышко – одуванчик. Но только его нельзя трогать руками, исчезнет – чудо неприкосновенно.

И вот ещё одно: девчушка, хрупкая и незащитная, под режущими струями дождя среди ночи держит зонтик над звездой: чтоб не погасла, ведь звёзды так нужны людям. Но если осень, грязь и лужи, ранние сумерки и холод дохнувшей зимы – где же тут красота? Может, в окошке, что светит посреди ночной тьмы, отражаясь в холодной воде, обещая тепло и уют? Ну, а старость? Какая уж тут красота? Но как прекрасно лицо женщины в осени! Как светла печаль её легкой улыбки, мудры все понимающие глаза, добры большие нагруженные руки, которые всё могут, всё умеют: это руки моей мамы. Красота в саду. Я увидела её в каплях дождя, рассыпавшихся, словно бусинки, по волосам моей подруги, и в добром свете глаз моего отца, и на румяных щеках моего друга пятилетнего Вовки. Она – в стуче сердец влюблённых, встретившихся в моём доме, и в комочке снега, принесённом с улицы моими друзьями в стакане, и в осенней ветке клёна, стоящей в вазе на моём столе...

Мизерные порции жизни, так скупо подаренные мне судьбой, обрели свою высокую цену, будучи в сущности бесценными. И когда кто-то говорит: «Как неинтересно, как буднично жить», – это печально: значит, к человеку не пришла красота. Но как рассказать обо всём этом в линиях, штрихах, мазках, где найти силу, чтобы рядом с моим рисунком человек удивился, узнав в необычном привычное, что окружает его каждый день?

И тогда я пробую рисовать картину словами: «...С небес к окну приник с хрустальным звоном не то снежок, не то луны кружок. Казалось, только руку протяни, и на ладони ты ощутишь его скользкий холодок. Какой-то праздник праздновала ночь и наряжала звёздами деревья, застывшие фонтаном ледяным, и приглашала невидимых гостей. Я эту ночь видала, я тайну подсмотрела в тот звёздный час зимы. И воскрешаю вновь забытые виденья ночи, утраченную добрую минуту. Уж сколько сломано карандашей и перьев, чтоб не забыть нам сказок зимних, летних – всяких, чтоб не терять таких мгновений потом, когда на наши «по-

о таком человеке. Так рождается новая тема моих рисунков. Уходит из жизни поэт Марина Цветаева, так ярко, так сильно ощущавшая восторг жизни. Уходит из мира равнодушных – не понимают, не ценят, не любят. Где-то на чердаке в сетях паутины погребён портрет «Прекрасной дамы». С печальным укором смотрят глаза прошлого: не помнят, не видят, не любят. Склонилась над пустым столом с холодным стаканом чая сутулая фигура старушки. Глухая тишина окутывает её – тишина одиночества. И только скрипит, стонет старый дом: не помнят, не едут, не любят...

...Моя мама, приехав со мной, маленькой, уж который раз в больницу и ожидая чуда, услышала: «Медицина бессильна – не выживет»... Но чудо свершилось – я выжила. Медики говорят об исключительности случая. А я думаю: может, потому, что ЛЮБЛЮ? Из моего окна видна унылая стена соседнего дома, чуть пониже – концы ветвей деревьев, чуть дальше – собор с куполами-

шлемами, как у древних русских витязей, которые я так люблю рисовать зимой, а чуть выше, в самом уголке рамы – кусочек неба и две-три звезды на нём. Вот и вечер. Ещё один день, день – жизнь. Пройдёт лето. Придёт осень. Мне теперь так хорошо в осени. Это пора домашнего уюта, тепла, возвращения домой «блудных сыновей». Вот только в лес осенний хочется, когда облетит с деревьев листва и покинут нас птицы, исполнив своё природное дело, и кругом тишина, покой, а воздух чистый, морозный, видно далеко-далеко, и ничего уже не жаль, и смиренно так в душе, и мудро в голове...

Так в чём же смысл МОЕГО мгновения под этим небом? Но греет тайная надежда, что всё не зря. Это случается, когда, читая книгу отзывов, привезённую с очередной моей выставки, я слышу голоса: «Самое-самое сильное впечатление – это открытие себя – ещё не знакомой в окружающем мире. И ощущение, будто по росистому полю, навстречу рождающемуся дню несёшь ребёнка, трепетно и бережно прижимая его к себе...» Или: «Всю жизнь я ищу чего-то, а что именно мне нужно – не знаю. Посмотрев рисунки, я подумал, что в них заключается смысл моих поисков...» Значит, услышали, отозвались, любят.

Я приветствую тебя, человек, открывающий себя и мир в жажде познать пределы всего земного. «Дай сердца твоего коснуться сердцем»... В газетах часто пишут про меня – мужественная. Чем чаще, тем более хочется стать женственной. В моём положении это не просто: чужое отношение создает моё ощущение. Преодолеть отношение к себе как к больному человеку – значит, стереть грань этого ощущения. Когда преодолела, не заметила, а преодолев – полетела, хотя по-прежнему моё небо – мой потолок.... Людмила Киселёва, Боровск.

Почему так печально лицо у моей Девочки Весны, словно она – подраненная птица. Так не бывает. Весна – начало, а в начале нет печали... тысяча пять... тысяча десять... тысяча двадцать... Вероятно все «слоны» пересчитаны, потому что я, наконец, засыпаю. Мне снится стена, на которой я, словно мозаику, выкладываю из кусочков-заготовок лицо. Лицо дисгармонично, вроде бы всё есть, но всё не на своём месте, смещено: глаза – один в фас, другой – в профиль влево, нос – в профиль направо, в трагическом крике раскрыт рот, словно от боли и ужаса, что лицо его так изуродовано, что ему не суждено родиться из небытия, потому что художник этот – я, а лицо это – мой автопортрет...

Но приходит день и своим светом снова вселяет надежду, что смогу, сумею, найду, ведь я сама выбирала этот путь – путь за пределы самой себя, эту долгую дорогу труда и терпения, ведь жить – это медленно рождаться.

Помнишь, у Экзюпери: «Мучительно не уродство измятой человеческой глины, но в каждом из людей, быть может, убит Моцарт».

Нет, конечно, подруга-дизайнер права: гениальным себя не сделаешь, талант из ничего не родишь. Но разве мы рождаемся ни с чем? А дар образного восприятия мира – разве он не природен? Посмотри, как рисуют дети, как зорко их сердце! Маленький человек, зависимый от всех и вся, живёт наполненной внутренней жизнью, а выростая, нивелируется стандартами жизни и в суете будней пропускает дни свои мимо себя. Глаза его слепы, а уши глухи – его не коснулся дух: не знает, не слышит, не любит. Я думаю и

шлемами, как у древних русских витязей, которые я так люблю рисовать зимой, а чуть выше, в самом уголке рамы – кусочек неба и две-три звезды на нём. Вот и вечер. Ещё один день, день – жизнь. Пройдёт лето. Придёт осень. Мне теперь так хорошо в осени. Это пора домашнего уюта, тепла, возвращения домой «блудных сыновей». Вот только в лес осенний хочется, когда облетит с деревьев листва и покинут нас птицы, исполнив своё природное дело, и кругом тишина, покой, а воздух чистый, морозный, видно далеко-далеко, и ничего уже не жаль, и смиренно так в душе, и мудро в голове...

Так в чём же смысл МОЕГО мгновения под этим небом? Но греет тайная надежда, что всё не зря. Это случается, когда, читая книгу отзывов, привезённую с очередной моей выставки, я слышу голоса: «Самое-самое сильное впечатление – это открытие себя – ещё не знакомой в окружающем мире. И ощущение, будто по росистому полю, навстречу рождающемуся дню несёшь ребёнка, трепетно и бережно прижимая его к себе...» Или: «Всю жизнь я ищу чего-то, а что именно мне нужно – не знаю. Посмотрев рисунки, я подумал, что в них заключается смысл моих поисков...» Значит, услышали, отозвались, любят.

Я приветствую тебя, человек, открывающий себя и мир в жажде познать пределы всего земного. «Дай сердца твоего коснуться сердцем»...

В газетах часто пишут про меня – мужественная. Чем чаще, тем более хочется стать женственной. В моём положении это не просто: чужое отношение создает моё ощущение. Преодолеть отношение к себе как к больному человеку – значит, стереть грань этого ощущения. Когда преодолела, не заметила, а преодолев – полетела, хотя по-прежнему моё небо – мой потолок.... Людмила Киселёва, Боровск.

Дорогие друзья, мы просим вас помочь Людмиле Георгиевне. Ваши пожертвования необходимы ей для элементарного выживания. Вот номер её карточки Сбербанка, на которую можно перечислить средства: 2202 2009 6124 0593.

“Моя мечта сбывается:

По материалам дневника Великого князя Константина Романова о посещении Оптиной пустыни и Свято-Лаврентьевского монастыря в 1887 году

В силу занимаемых Константином Константиновичем Романовым постов, а также широты интересов, он имел большой круг знакомств в среде творческой интеллигенции, военных, государственных и общественных деятелей. Вследствие этого дневник его содержит много ценной информации, далеко выходящей за рамки придворной жизни. Благодаря своим инспекторским поездкам по стране великий князь был знаком с жизнью провинциальной России как никто из царствующего дома.

В мае 1887 года великий князь Константин Константинович Романов впервые посетил Оптину пустынь. Эта поездка была для Константина Константиновича желанной, радостной, он долго её вынашивал в своих мыслях и чувствах. Он говорил о своём желании посетить Оптину пустынь с государем, когда вместе с супругой Елизаветой Маврикиевной был приглашён императорской четой на завтрак в Гатчинский дворец (25 апреля 1887 г.).

«Мы с женой сидели по сторонам Государя. Я просился съездить в Оптину пустынь». Ещё через несколько дней: «Кажется, моя мечта сбывается: я еду, проведу двое суток у Сергея в Ильинском и побываю в Оптиной пустыни... Мне ещё трудно поверить в возможность этой поездки: она слишком меня радует, и я боюсь, что она не удастся». 7 мая: «Я доживаю последние часы в миллом Ильинском. Вечером еду из Москвы на Тулу и Чернь и завтра буду в Оптиной пустыни».

Путешествие заняло всего

три дня, но было много встреч, событий, впечатлений. Сначала ехали по Тульской губернии. В селах, которые проезжали, народ радостно встречал именитого путника, кричали ура, бросали в воздух шапки. В одном большом селе Афанасики вместе с крестьянами вышли два священника с крестом, пришлось выйти из тарантаса, войти в церковь, осмотреть другую, каменную, ещё недостроенную. «Толпа непроходимая».

Показалась Ока, увидели красиво расположенный на крутом берегу город. Это был Белёв, и здесь пришлось сделать вынужденную недолгую остановку. Горожане знали о приезде великого князя, к тому же день был праздничный – 8 мая, память святого Иоанна Богослова – народу высыпало много, встречали тепло и радушно.

Подъехали к собору. Местное духовенство встречало на паперти храма, облаченные в ризы, с крестом и святою водой. «В храме древностей не видно. Я заметил балдахин с вензелем Е, который осенял

тело Императрицы Елизаветы Алексеевны, скончавшейся в Белёве на пути из Таганрога. По моей просьбе после встречи отслужили по ней краткую литию».

При выходе из церкви Константина Константиновича ожидали представители городского общества с хлебом-солью и просили посетить дом первого белёвского купца Киселёва, князь согласился. Сам купец, его мать, жена, просили у них отобедать, но Константин Константинович, сердечно поблагодарив, отказался и поехал осматривать достопримечательности города. «Главным образом мне хотелось видеть дом, где умерла Императрица, там устроена церковь и призываются вдовы. От Императрицы остались её стол, кресло и сундук, да ещё риза на престол».

Затем, предупредив власти и полицию за ним не следовать, Константин Константинович и сопровождавший его П.Г. Кеппен поехали за город, в Мишенское, на родину поэта В.А. Жуковского. «У нас была резвая пара с здоровенным кучером купца Киселева. Дорога ужасная, за нами и след простыл. Мы очутились на свободе, никто не провожал, встречные крестьяне меня не знали».

«Мишенское расположено на возвышенности. Ещё издали видна на опушке густой рощи большая каменная церковь. Мы попали в дом и в сад, оттуда чудесный вид на дальние поля и на город. Управляющий показал нам крохотные уютные комнатки и скамеечку в саду, где Жуковский любовался чудесным обширным видом».

При возвращении в Белёв произошёл случай, который великий князь будет помнить всю жизнь: «На обратном пути мы чуть не отправились на тот свет: дорога шла по мосту через пруд или ручей; мост дощатый и далеко не надежный. Одна из досок подломилась под копытом, лошади шаркнулись влево, и коляска стала валиться с моста. Мы с Павлом Георгиевичем только успели выскочить на мост, как кучер и коляска, и лошади полетели с моста в воду».

К счастью, было неглубоко, и кучер скоро выкарабкался, а лошади, почуствовав дно, встали на ноги, коляску повернуло вверх дном. Собрались крестьяне, видевшие всё это, из ближней деревни. Мужики влезли в воду и стали помогать, бабы со страху выли и причитали. Выпрягли лошадей, одна из них стала бить, хватила кучера и снова повалила его в воду; он, однако, опять вылез, но лошадь порядком ударила его в грудь. Её изловили на берегу».

В случившемся несчастье никто не пострадал. Кучер остался хлопотать у лошадей, а незадачливые путники отправились в город пешком.

По дороге они сели в телегу проезжавшего мимо мужика. Так и добрались, благодаря Бога за чудесное спасение.

«Недаром я крещён 26 сентября, тогда же празднуется память Святого Иоанна Богослова; недаром меня в Белёве благословили его иконой, недаром ездил я ему молиться в Черемнецкий монастырь, вот и выручил Святой Угодник».

Приветливый Белёв остался позади, пересекли границу Тульской и Калужской губернии. День начинал клониться к вечеру. Не доезжая несколько вёрст до Оптиной пустыни, экипаж К.К. Романова встречали козельский исправник, полицейские чины и казначей монастыря отец Флавиан. Переменили лошадей. «Дорога стала лесистее и привольнее, попадались рослые сосны, большие дубы, липы, белела и благоухала черёмуха».

К.К. Романов был глубоко и искренне верующим человеком. Путешествие по святым местам считал для себя высочайшим благом. Пребыванию в Оптиной пустыни в его дневниках посвящено немало страниц.

«Вот она, заветная цель моих стремлений. Наконец-то сподобил Господь побывать здесь, в этой святой обители, где, как лампада перед иконой, теплится православная вера, поддерживая в нас дух родного русского благочестия, – пишет князь, увидев издали Оптину пустынь. – Вот вдвину за Жиздрой, озарённой заходящим солнцем, открылся нашим взорам Козельск – злой город. Я с волнением приближался к желаемой цели поездки. Наконец-то мы подкатили к самим воротам. Тут ожидал меня настоятель о. архимандрит Исаакий в облачении с митрой, низенький, седой, бородатый, с милым и добрым лицом, его окружали другие монахи в ризах со святой водой, с хоругвями. Здесь же находился калужский губернатор Жуков, предводитель козельского дворянства старый знакомый князь Алексей Оболенский, другие лица и множества народа. Церковь (Введенская – соборный храм) сразу произвела на меня отрадное впечатление – все чисто, богато, даже красиво, пахло хорошо. Настоятель указал на небольшую икону Казанской Божией Матери, и я приложился, кладя положенные поклоны», – описывает Константин Константинович.

Ночлег для августейшего гостя и сопровождавшего его П.Е. Кеппена был определён в покоях настоятеля. Им было дано время умыться, переодеться, отведать монастырской трапезы. Потом великий князь явился к всенощной в Введенскую соборную церковь. «Служба тянется здесь очень долго – часов четыре-пять. Я с дороги не то что устал, а немного раскис, но в

церкви стоял как следует, с полным вниманием, вытянувшись в струнку». Уже за полночь закончилось вечернее служение, отец архимандрит пригласил в свои кельи. «Два монаха в чёрном, с длинными свечами в руках, шли впереди и светили. Тут, между церквями и келейными зданиями, под цветущими яблонями, стояли надгробные памятники. Это место казалось как-то особенно таинственно».

На следующее утро был Николин день. Великий князь снова присутствовал на праздничной литургии во Введенском храме. По окончании богослужения его провели по монастырю: показали другие храмы, подсобное хозяйство, «приветливую уютную больницу и небольшой свечной завод». Князя Константина интересовало, как проходят монастырские службы, обустройство обители, скита. «Была чудесная погода, в воздухе пахло весенней и свежей зеленью».

Состоялась встреча со знаменитым оптинским старцем Амвросием, мудрость и простота которого произвели незабываемое впечатление на К.Р. «После обеда повели меня в скит. Я уже и читал, и слышал про него, так что шёл туда с любопытством и радостью. Дорожка проходит тенистой рощицей, где растут огромные сосны, зелёные дубки и липы, нас обдало свежим душистым запахом. Мы подошли к воротам в каменной оградке. Здесь стояли богомольцы и богомолки. Это место казалось ещё удивительнее от их присутствия, длинные посохи, котомки за плечами, лапти, загорелые лица, очень мне нравились. В воротах ждали меня скитоначальник с крестом и святою водою, окружённый другими монахами».

Сначала вся процессия посетила скитскую церковь в честь святого Иоанна Предтечи, «...она маленькая, низенькая, светлая и уютная. Я сейчас заметил приметную древнюю икону Усекновение Главы и подумал об Иоанчике (Старший сын. – Прим. автора). Мне захотелось повесить лампаду к этой иконе. Потом повели меня к старцу Амвросию».

Константин Константинович размышляет о старчестве. «Давно, ещё в 81 году я знал о старчестве в «Братьях Карамзых», идея старчества казалась мне особенно привлекательной. Достоевский говорил, в старце о. Зосиме описал о. Амвросия. Он, слышал я, прозорливый к нему за советом и благословением ходит народ».

«Я шёл к старцу с волнением. И вот переступив через порог небольшого домика с крытым балкончиком, я очутился в маленькой светлой комнате».

Старец Амвросий привстал мне навстречу и благословил

Я еду в Оптину”

Семья Великого князя
Константина Романова

меня. Нас оставили вдвоем. Он среднего роста, худой, совершенно седой, с добрым лицом и умными пытливыми глазами. Он болеет ногами. Ему трудно ходить. Его приветливый вид, опрятность, и вся простая обстановка комнатки, книги на полках, цветы на окне, портрет и картинка по стенам производят самое приятное впечатление».

Батюшка повёл разговор о жене великого князя Елизавете Маврикиевне. Старец знал, что она лютеранка, и князю надо постараться убедить её принять православие. Для этой цели о. Амвросий подарил ему две книги – «Иеромонах Климент Зедергольм». «Эту книгу я уже читал ранее, она-то и побудила меня побывать в Оптиной пустыни. Одну из двух книг старец предназначал мне, другую жене. Затем он говорил, что я бы должен делать, что могу, чтобы низших чинов у нас не кормили скоромной пищей в постные дни».

После свидания со старцем, К.Р. вместе с князем Алексеем Оболенским поехали в Козельск. В Успенском соборе произошла встреча с городским обществом, дорогом гостю преподнесли хлеб-соль, в его честь для приветствия выстроили почётный караул из местной команды. Константин Константинович осмотрел некоторые общественные места города: дом земской управы, больницу, ремесленное училище. «Тут мне все показалось очень просто, дельно и хорошо», – отметил он после осмотра училища.

«Козельск город премаленький, каменных домов в нём очень мало, я видел и села позначительнее его, но приняли меня так радушно и гостеприимно, что мне всё нравилось», – записано в дневнике.

Наступил ещё один день в Оптиной пустыни. Отстояв обедню в скитской церкви и проведя ещё полдня в монастыре, Константин Константи-

нович прощался. Он специально сходил за благословением к батюшке Амвросию. «Многое я бы сказал ему, но у меня слов не хватало, я терялся в мыслях. Даст Бог удастся мне когда-нибудь его повидать». Прощание было трогательным и приятным. Все иноки, созванные колокольным звоном, вышли проводить августейшего гостя, а вместе с ними паломники и богомольцы. «Никогда ещё никто из нашего семейства не бывал в пустыни и мне были рады, а я умилился радушию, с которым меня принимали». У парома распростылись. Архимандрит о. Исакий поехал с великим князем до первой почтовой станции в Подборках. Далее до Калуги сопровождал князь Оболенский.

«Местность здесь была лучше, чем в Тульской губернии. Вдали виднелась Жиздра, зеленая, поля и луга тянулись далеко кругом, попадались леса и рощи, здесь и там пестрели сёла и деревушки, кое-где были большие каменные церкви. Скоро доехали до Перемышля; это маленький уездный невзрачный городок. Тут Жиздра впадает в Оку. Здесь подали хлеб-соль на серебряном блюде.

Через Оку переправились на пароме. Тут неподалёку лежало село Троицкое, где меня встретили особенно ласково. В селе Троицком через улицу с крыши на крышу была натянута веревка, на которой висели в виде флагов разноцветные крестьянские платки. Неподалёку от села небольшой монастырь с каменной оградой и башнями, и сельская церковь. Вышел священник с крестом, мужики и дети очень складно пели «Часы Господни», «Многия лета...» и «Боже царя храни». Далее дорога шла вдоль правого берега Оки, попадались прекрасные виды, на лугах голубыми широкими пятнами цвели незабудки.

Мы подъехали к Калуге, было около 8 вечера. Солнце ещё не село. Пыли насело на

меня много за дорогу. Но вот навстречу стали попадаться люди, одетые не по-деревенскому, разные экипажи, модные платья, зонтики. Это были горожане, пользовавшиеся хорошей погодой для загородных прогулок. Чем дальше ехали, тем больше встречалось народу. Вот открылась и Калуга. Издали кажется она большим красивым городом. Я увидел Оку. К ней вёл крутой песчаный спуск, через речку перекинут плавучий мост, а на том берегу, высоко над водой раскинулся, утопая в зелени, большой губернский город.

Белели колокольни, купола, зеленели сады, видно было много каменных построек. По берегам столпилось видимо-невидимо народу. Кричали ура, гул от криков и колокольного звона стоял в воздухе, шапки кидали в воздух, бежали за коляской. А наша четверка, подстрекаемая всем этим оглушительным шумом, лихо мчала нас сперва вниз на мост, а потом в гору. Наверху, уже в самом городе ждал губернатор. Я пересел к нему в коляску, и мы поехали к собору. Я вошёл в просторную каменную церковь под огромным куполом, украшенную во вкусе начала столетия. Меня встречал калужский епископ Владимир, окружённый многочисленным духовенством. Начался краткий встречный молебен с многолетием. Два огромных хора певчих пели чудесно. По окончании службы Владыка повёл меня к большому чудотворным иконам Калужской Божьей Матери и Николая Угодника, к которым я прикладывался, кладя обычные поклоны. Потом губернатор повёл меня в свой дом. Он женат на графине Салиас де Турнемир, дочери писательницы Евгений Тур.

Мне дали время умыться, почиститься и переодеться. Я вышел к обеду. Были приглашены местные власти, из которых я был знаком с одним командиром киевского грена-

дерского полка А.К. Маклаковым. За обедом я чувствовал себя непринужденно, мне было весело. Кроме двух блюд с хлебом-солью мне поднесли икону Преп. Лаврентия.

Редко видал я такое радушие, такое гостеприимство, как в Калуге, сюда собрался народ с окрестных деревень, толпа была огромная. Я давно уже был в губернаторском доме, а на улице всё ещё кричали ура. Жуков просил меня выйти на балкон и показаться народу. Я вышел и кланялся во все стороны.

После обеда губернатор повёл меня в Лаврентьев монастырь. Там под спудом покоятся мощи Преподобного Лаврентия, Христа ради юродивого (+1515 г.), память которого совершается в день моего рождения. После того как я родился, папа послал туда лампаду. Уже стемнело, когда я выехал с губернатором. Дорога шла пустым местом, песками через Подзавальную слободу; там население очень бедное, все сапожники, но они непременно хотели поднести мне хлеб-соль. Мы остановились в роще, не доезжая слободы, тут ожидала нас куча народа; опять ура, крики, радостные восклицания, приветствия, напутствия. Народ бежал за коляской, с ближним я разговаривал.

Подъехали к монастырю. Два монаха стояли у низенького входа со свечами в руках. Меня ожидал Преосвященный, он повёл меня в небольшую церковь с низкими сводами, где я увидел, налево, у самого иконостаса, серебряную раку, на ней большое иконное изображение Нерукотворного Спаса древнего письма. В головах я заметил лампаду – приношение Папа. Я искренно молился. Был в комнатах Владыки, здесь в монастыре он проводит летние месяцы.

Оттуда поехали с губернатором на станцию железной дороги. Я вручил ему книжку своих стихотворений. Меня провожала толпа народа. Ура не умолкало. Я был до глубины души тронут таким сочувствием. И окончилась лучшая часть этого прелестного путешествия по матушке России. В глуши, далеко от столичного шума, поближе к нашему хорошему народу.

В Москве мы позавтракали. Нам обоим было как-то грустно. Мы оба пережили слишком много отрадных, светлых, дорогих сердцу впечатлений. Нам так жилось хорошо вдали от железных дорог, в привольной глуши, поближе к настоящей деревне, посреди простого народа, что здесь, в Москве, которая из Петербурга нам кажется свободнее и лучше, чем Невская столица, было нам грустно и скучно. Мы вздыхали о Тульской и Калужской губерниях».

Материал подготовила Н.А. Семёнова.

Митрополит Иларион – о ситуации в православном мире

МОСКВА. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия митрополит Волоколамский Иларион выступил перед учащимися Московской духовной академии и семинарии с лекцией, в которой рассказал о ситуации в сфере межправославных отношений в связи с антиканоническими действиями Константинополья на Украине.

«В уходящем году, – сказал архипастырь, – мы столкнулись с вторжением Константинопольского Патриархата на нашу каноническую территорию, и именно этим вторжением была обусловлена не только тональность отношений между Московским Патриархатом и Константинопольским Патриархатом, но и вообще ситуация в православном мире, потому что признание или непризнание того, что совершил Патриарх Варфоломей, является сейчас доминантой межправославных отношений во всём их многообразии и во всей их комплексности.

И каждая Поместная Православная Церковь вынуждена так или иначе позиционировать себя по отношению к этой проблеме».

Делая обзор событий, последовавших после антиканонического вмешательства Константинополья в церковную жизнь на Украине, Владыка упомянул о давлении, которое оказывалось на Поместные Православные Церкви Патриархом Варфоломеем и определенными политическими кругами с целью заставить их вступить в общение с раскольнической «ПЦУ», о том, как спустя продолжительное время этому давлению поддались сначала Предстоятель Элладской Церкви, а впоследствии – Патриарх Александрийский.

«Этот год для межправославных отношений был очень трудным, но я думаю, что главным его итогом для нас является не разрыв евхаристического общения с Константинополем, не приостановка евхаристического общения с теми иерархами других Церквей, которые признали или признают украинский раскол. Главный для нас итог – это сохранение единства нашей Церкви», – подчеркнул Владыка Иларион. Он констатировал, что Украинская Православная Церковь, которая сохраняет молитвенную, каноническую связь с Московским Патриархатом, пережила колоссальное давление, в том числе со стороны политической власти. Но она не дрогнула, не сломилась. Количество предателей оказалось ничтожным – из 90 епископов только двое пошли на разбойничий собор.

Архипастырь ответил на вопросы студентов. В частности, по просьбе слушателей он рассказал об инициативе провести в Иордании всеправославное совещание – с таким предложением недавно выступил Блаженнейший Патриарх Иерусалимский Феофил III. «

Святитель Иларион в Соловецком лагере. Крайний слева.

Окончание. Начало на стр. 1.

и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но и большинство уголовников считали какой-то необходимостью то злобно, то с грубым добродушием поиздеваться над «опиумом».

Нередко охранники, как бы невзначай, называли его «владыкой». Обычно – официальным термином «заключённый». Кличкой «опиум», «попом» или «товарищем» – никогда, никто.

Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось сконцентрировать духовенство в шестой роте, получить для него некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных всех чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность. Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной эпидемии. В этой стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Остричь же стариков-священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям.

Устраивая других – и духовенство, и мирян – на более лёгкие работы, владыка Иларион не только не искал должности для себя, но не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком. Думается, что море было близко и родственно стихийности, непомерности натуры этого иерарха, русского князя Церкви, именно русского, прямого потомка епископов, архимандритов, игуменов, поучавших и наставлявших князей мира сего, властных в простоте своей и простых во власти, данной им от Бога...

Когда первое дыхание весны рушит ледяные покровы, Белое море страшно. Оторвавшись от матёрого льда, торосы в пьяном веселье несутся к северу, сталкиваются и разбиваются с потрясающим грохотом, лезут друг на друга, громоздятся в горы и снова рассыпаются.

Редкий кормчий решится тогда вывести в море карбас – неуклюжий, но крепкий поморский баркас, разве лишь

в случае крайней нужды. Но уж никто не отчалит от берега, когда с виду спокойное море покрыто серою пеленою шуги – мелкого, плотно идущего льда. От шуги нет спасения! Крепко ухватит она баркас своими белесыми лапами и унесёт туда, на полночь, откуда нет возврата.

В один из сумеречных, туманных апрельских дней на пристани, вблизи бывшей Савватиевской пустыни, а теперь командировки для организованной из остатков соловецких монахов и каторжан рыболовной команды, в неурочный час стояла кучка людей. Были в ней и монахи, и чекисты охраны, и рыбаки из каторжан, в большинстве – духовенство. Все, не отрываясь, вглядывались вдаль. По морю, зловеще шурша, ползла шуга.

– Пропадут ведь душеньки их, пропадут, – говорил одетый в рваную шинель старый монах, указывая на еле заметную, мелькавшую в льдистой мгле точку, – от шуги не уйдешь...

– На всё воля Божия...

– Откуда бы они?

– Кто ж их знает? Тамо быстринка проходит море чистое, ну и вышли, несмышленные, а водой-то их прихватило и в шугу занесло... Шуга в себя приняла и напрочь не пускает. Такое бывало!

Начальник поста чекист Конев оторвал от глаз цейсовский бинокль.

– Четверо в лодке. Двое гребцов, двое в форме. Должно, сам Сухов.

– Больше некому. Он охотник смелый и на добычу завистливый, а сейчас белухи идут. Они по сто пуд бьют. Каждому лестно такое чудовище взять. Ну, и рисканул!

А там, вдали, мелькала чёрная точка, то скрываясь во льдах, то вновь показываясь на мгновение. Там шла отчаянная борьба человека со злобной, хитрой стихией. Стихия побеждала.

– Да, в этакое каше и от берега не отойдешь, куда уж там вырваться, – проговорил чекист, вытирая платком стекла бинокля – Амба! Пропадет Сухов! Пиши полкового военкома в расход!

– Ну, это ещё как Бог даст, – прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней силы голос.

Все невольно обернулись к высокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

– Кто со мною, во славу Божию, на спасение душ человеческих? – так же

Крестный путь архимандрита Илариона

тихо и уверенно продолжал рыбак, обводя глазами толпу и зорко вглядываясь в глаза каждого. – Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих с о л о в е ц к и х

двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

– Не позволю! – вдруг взорвался чекист. – Без охраны и разрешения начальства в море не выпущу!

– Начальство, вон оно, в шуге, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошёл от берега.

– Готово?

– Баркас на воде, владыка!

– С Богом!

Владыка Иларион стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега.

Спустились сумерки. Их сменила студёная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушёл с пристани. Забегали в тепло, грелись и снова возвращались. Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия. Шёпотом говорили между собой, шёпотом молились Богу. Верили и сомневались. Сомневались и верили.

– Никто, как Бог!

Сторожко вслушивались в ночные шорохи моря, буравили глазами нависшую над ним тьму. Ещё шептались. Ещё молились.

Но лишь тогда, когда солнце разогнало стену прибрежного тумана, увидели возвращающуюся лодку и в ней не четырёх, а девять человек. И тогда все, кто был на пристани, – монахи, каторжники, охранники, – все без различия, крестясь, опустились на колени.

– Истинное чудо! Спас Господь!

– Спас Господь! – сказал и владыка Иларион, вытаскивая из карбаса окончательно обессиленного Сухова.

...Пасха в том году была поздняя, в мае, когда нежаркое северное солнце уже подолгу висело на сером, бледном небе. Весна наступила, и я, состоявший тогда по своей каторжной должности в распоряжении военкома особого Соловецкого полка Сухова, однажды, когда тихо и сладостно-пахуче распускались почки на худосочных соловецких берёзках, шёл с ним мимо того Распятя, в которое он выпустил оба заряда.

Капли весенних дождей и таявшего снега скоплялись в ранах-углублениях от картечи и стекали с них тёмными струйками. Грудь Распятого словно кровоточила.

Вдруг, неожиданно для меня, Сухов сдернул будёновку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

– Ты смотри... чтоб никому ни слова... А то в карцере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

В наползавших белесых соловецких сумерках смутно бледнел лик распятого Христа, русского, сермяжного, в рабском виде исходившего землю Свою и здесь, на её полуночной окраине, расстрелянного поклонившимся Ему теперь убийцей...

Мне показалось, что свет неземной улыбки скользнул по бледному лику Христа.

– Спас Господь! – повторил я слова владыки Илариона, сказанные им на берегу. – Спас тогда и теперь!...

В декабре 1929 года архиепископа Илариона направили на поселение в Среднюю Азию, в город Алма-Ата, сроком на три года. Этапом он добирался от одной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали, и в Ленинград он прибыл в рубище, кишашем паразитами, и уже больным. Из ленинградской тюремной больницы, куда его поместили, он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу».

В больнице ему заявили, что его надо обрить, на что Преосвященный ответил: «Делайте теперь со мной, что хотите». В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмёт».

За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и что он может поправиться. Архиепископ Иларион едва слышно прошептал: «Как хорошо! Теперь мы далеки от...» И с этими словами исповедник Христов скончался. Это было 15/28 декабря.

Митрополит Серафим Чичагов, занимавший тогда Ленинградскую кафедру, добился разрешения взять тело для погребения. Митрополит Серафим принял своё белое облачение, белую митру. Покойного облачили и перевезли в церковь ленинградского Новодевичьего монастыря. Владыка страшно изменился. В гробу лежал жалкий, обритый, седой старичок. Одна из родственниц покойного, увидевшая его в гробу, упала в обморок. Так он был непохож на прежнего Илариона.

Кроме митрополита Серафима и архиепископа Алексия, в погребении участвовали епископ Амвросий (Либин) Лужский, епископ Сергей (Зенкевич) Лодейнопольский и ещё три архиерея. Надгробные речи были запрещены, но владыка Николай (Ярушевич) прочитал заповеди блаженства так, что все присутствовавшие рыдали. Каждая из этих заповедей была исполнена Святителем, о чём свидетельствует всё его житие.

В газете использованы материалы из православных интернет-ресурсов: www.patriarchia.ru, www.sedmitza.ru. Газета распространяется бесплатно. Адрес типографии: г. Калуга, пл. Старый Торг, д. 5.

Адрес редакции, издателя: 248600 г. Калуга, ул. Набережная, д. 4.

Наша вера

№ 10 (190), 26 декабря 2019

Телефон: 56-27-00 (канцелярия Калужской епархии)

и.о. главного редактора:

Ю.А. Белкина.

Тираж выпуска: 3000 экз.

Отпечатано: Фонд «Губерния»

Заказ № _____

Подписано в печать (время по графику)

в 10-00.

Подписано в печать (время фактическое)

в 12-00.

Учредитель: Централизованная православная религиозная организация - Калужская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Свидетельство о регистрации СМИ: Серия ПИ № 8-1406 от 25.02.2003, выдано Средне-русским межрегиональным территориальным управлением МИТР России.